

РАЗУМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫК

LANGUAGE AND REASONING

Вяч. Вс. Иванов

ОТ БУКВЫ И СЛОГА К ИЕРОГЛИФУ

Системы письма
в пространстве и времени

2-е издание

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЯСК
ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2016

Иванов Вяч. Вс.

И 20 От буквы и слога к иероглифу: системы письма в пространстве и времени / 2-е издание. — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2016. — 272 с., ил. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

ISBN 978-5-94457-260-8

Эта книга — о теории и истории письма.

Происхождение самых ранних — неалфавитных — систем письма на Ближнем Востоке (таких, как клинопись и египетская иероглифика) выглядит теперь по-иному в свете новых открытий. Сравнительно недавно оказалось, например, что почти десять тысяч лет назад, чтобы сосчитать головы скота или меры зерна, делали небольшие скульптурные фигурки: шарики, конусы, пирамидки. При пересылке с гонцом сами фигурки клались в конверты, а на конверте — во избежание мошенничества — оттискивали те же геометрические образы. Так из оттисков фигурок на глине возникает клинопись. На этот процесс ушли тысячелетия.

Древнее письмо Передней Азии многими чертами совпадает не только с похожими типами письма на востоке (Китай), но и с особенностями иероглифов майя. Объясняется ли сходство удаленных друг от друга систем распространением из одного центра? Будущее покажет.

Более поздняя система письма — алфавитная, — развиваясь внутри иероглифической, по сути, от нее отличается. Различиям между алфавитными и неалфавитными системами письма посвящена большая часть книги.

История письма — вопрос для автора очень личный. Поэтому открытия и дешифровки отдельных языков (Малой и Центральной Азии) описаны на фоне его собственной научной биографии. Огромная роль в развитии этой интереснейшей области отводится многим выдающимся русским ученым двух прошлых веков.

В эпилоге разные системы письма соотнесены с работой определенных зон мозга согласно современной нейропсихологии.

В книгу включены задачи по дешифровке — занятию, которое не может не увлечь любого. Ведь дешифровка — это настоящий детектив. Она лежит в основе изучения всех систем письма.

А в целом книга погружает читателя в огромный пласт истории культуры.

ББК 81

*Рисунки на обложке — на лицевой стороне «Бог письма майя»,
на обратной стороне фотоаграмма светлАны ивАновой*

© Вяч. Вс. Иванов, 2013

ISBN 978-5-94457-260-8

© Изд-во «Языки славянской культуры», 2016

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.
И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страдания,
Наш дар бессмертный — речь.

И. Бунин. Слово

Предисловие

Эта книга рассказывает о письме и письменности, об их происхождении и развитии начиная с ранних эпох человеческой истории и с детства каждого из нас. В ней говорится о том, как грамотность влияет на жизнь и судьбу отдельного человека и всего общества, к которому он принадлежит. Основная часть этой книги посвящена описанию главных типов письма и их истории. Поделюсь здесь советами о том, кому и как сто́ит в определенном порядке знакомиться с разными частями книжки. Глава 1 и продолжающие ее Главы 2, 3 и 6 написаны главным образом для тех, кого особенно занимает проблема дешифровки в связи с возможностями сравнительного языкознания и его истории применительно к отдельным древним системам. Научная деятельность в этом направлении особенно успешно разворачивалась во всем мире и у нас в стране в 1950-х — 1980-х гг. Я не мог не принять участия в этом общем движении. Это оправдывает до какой-то степени то, что я перемещаю обзор сделанного на протяжении всего XX в. с самого его начала (в связи с использованием методов сравнительно-исторического языкознания) своими рассказами и воспоминаниями о замечательных людях, этим занимавшихся. Мне хотелось написать и о встречах с ними во второй половине века, и о впечатлениях от трудов о дешифровке, написанных до этого. Я хотел бы не забыть тех соотечественников, о которых мало писали в популярных книгах о дешифровке. При этом изложение приобретает все более субъективный характер по мере приближения к тому времени, когда я сам стал участвовать в некоторых из общих начинаний, о чем речь идет в Главах 2, 3 и 6. Если же ставятся при чтении рассказа о дешифровке и более серьезные цели — овладение этой сферой знаний, — я бы советовал сразу же начать решение задач

из Приложения 3 (в написанных для самых трудолюбивых и отважных читателей подстрочных примечаниях к тексту предыдущих глав я обозначаю номера задач, которые сто́ит решать одновременно с чтением). В случае, когда покажется, что задачи посвящены уже известным вещам (например, греческим заимствованиям в русском языке) или, наоборот, слишком трудны для первого раза, можно их пропустить или вернуться к ним позже, дочитав книжку.

Желающим узнать прежде всего про науку о письме (грамматологию, по Гельбу) я рекомендую начать чтение с Главы 4 и продолжить до предпоследней — Главы 6. Последний раздел может быть с самого начала всего интереснее читателям, увлеченным когнитивистикой в широком смысле — становящимися все более популярными областями исследований, которые сосредоточены на познании и его связи с работой мозга — едва ли не основным предметом научных поисков наступающего времени.

Те читатели, которых волнует построение науки как единого целого, могут от Введения, носящего откровенно автобиографический характер рассказа о начале чтений у самого автора, сразу перейти к просмотру Словаря терминов, в котором сделана попытка дать определение или хотя бы пояснение слов, используемых в специальных значениях (в Предметном указателе затронуты также темы, которых не касается Словарь терминов). Другие указатели призваны помочь в ответах на конкретные вопросы (в том числе об отдельных языках и их словах и формах). Список книг и статей для планируемого чтения обозревает только основные или наиболее новые публикации, в которых можно отыскать и дальнейшие, более подробные библиографические сведения. Каждая книга и статья называется только один раз в связи с первой из глав, к которым она относится, — предполагается, что в нее будут заглядывать и дальше. Размышления о будущем в заключительных разделах книги написаны для тех читателей, которым будет интересно сравнить свой предстоящий опыт с моими предсказаниями и проверить, насколько я ошибался (а когда, быть может, вдруг и оказался прав) в своих попытках предвидеть, какие неожиданности нам сулит начавшийся двадцать первый век и третье тысячелетие по нашему летоисчислению. Мне кажется, что это будет период постижения основ человеческого общества и культуры и связанных с ними особенностей работы человеческого мозга.

А в таком случае один из главных вопросов: для чего нам становиться грамотными? В чем это нам помогает? Попробую ответить.

ВВЕДЕНИЕ

Ученому, начинающему рассуждать о людях и их свойствах, сразу же задают вопрос, на каком материале проведено исследование, какой величины выборка, насколько достоверны данные. Один из лучших знатоков русской грамматики, Шахматов, свой очерк, ей посвященный, начинает с простого утверждения: он описывает свой собственный язык. Последую этому примеру в достижимых пределах и попробую о письме и дешифровке рассказать, черпая материал из собственной практики и из выпавших мне на долю очных и заочных знакомств с наиболее успешными учеными, в этой области работавшими. Подбор описываемых открытий дешифровщиков определяется здесь моими собственными интересами в работе над определенными системами письма. О великих достижениях я говорю не в духе общепринятых похвал, а пытаюсь припомнить свои первые впечатления и то, что больше всего меня поражало.

Как, вероятно, и многие читатели этой книжки, я хорошо помню время, когда учился читать и писать. В детстве у меня обнаружилась болезнь тазобедренного сустава. Врачи приговорили к длительному неподвижному лежанию. В первый класс пойти я не смог. Обязанности учительницы исполняла моя мама, Тамара Владимировна Иванова (в девичестве Каширина, из купеческой семьи). К тому времени (ей было тридцать пять лет) она успела переменить разные занятия и профессии, сохранила на всю жизнь память о раннем времени, когда была актрисой в театре великого режиссера Мейерхольда (позднее власть с ним расправилась, его под старость посадили, пытали, расстреляли, безымянный прах гения вместе с пеплом от сожжения других жертв Лубянки захоронен в братской могиле возле Донского крематория, к ней ведет стрелка с пометой, как найти могилы пострадавших от репрессий). А тогда, до всего этого, занимаясь со мной из-за моей болезни, мама вспомнила о времени сразу после революции, когда ее, совсем еще юную, захлестнула волна традиционного для русской интеллигенции народолюбия и она отправилась учить детей в сельской школе.

Руки (как и ноги) были у меня привязаны к постели (эта щадящая форма обуздывания движений заменяла гипс). Первые буквы при пи-

сании в варежках (меня ради целительного загородного воздуха держали с поздней осени на морозе) получались корявые, почерк был отвратительный, не чета чистописанию, которому в это время учили моих здоровых сверстников. Зато я сразу сделал открытие, а попросту говоря, научился беречь силы и жульничать, усваивая грамоту. Не нужно было стараться прочитать все слово по буквам. Достаточно было уловить начало и проскользнуть к концу. А потом надо было сообразить, какое слово умещается между окончанием и уже прочитанным первым слогом. Технику этого быстрого чтения было интересно проверить, стараясь успеть рассмотреть вывески, мимо которых удавалось проехать на машине. А это случалось не так редко: меня с дачи время от времени возили для рентгеновских снимков больного сустава в Москву. Я успевал соскучиться по городу, и мне нравилось, что на скорость чтения можно было играть с крупно написанными на стенах домов текстами, пока мимо них проезжала машина, на заднее сидение которой меня перед поездкой укладывали. До сих пор помню на торце дома на Полянке рифму рекламы:

Я ем
Повидло и джем.

Наверное, именно рифмы особенно вдохновляли в это время, когда так важны становились концы слов. Свои первые потуги на занятия рифмачеством помню именно с тех пор.

А потом, в конце молодости, сочиняя стихи, я вспомнил о том детском времени:

Я вывески на стенах зданий
Читаю по складам опять,
Как давнею порою ранней,
Когда учился я читать.

Ленясь читать по буквам, я стал приучаться к скорочтению. А оно было необходимо: отец — писатель и истовый любитель и собиратель книг Всеволод Вячеславович Иванов — норовил по-своему развлекать меня во время моего вынужденного лежания, длившегося два года. Он притаскивал из своего — огромного (как мне, маленькому, тогда казалось) — кабинета, заставленного книжными полками и шкафами, груды печатных текстов. Они громоздились возле кровати, к которой я был привязан. Поначалу там были по преимуществу детские книжки, среди них и замечательная, написанная еще тогда на тему этого сегод-

нышнего нового моего сочинения. Такой изумительной книгой, угадавшей мое будущее, было «Письмо греческого мальчика» Соломона Яковлевича Лурье (рис. 1; этот поразительный человек соединял в себе разные познания — знатока античности, египтолога, специалиста по истории математики; когда власть выгоняла его с работы и ему не давали продолжать одно из любимых занятий, он переключался на другую профессию и, уехав далеко от своих недругов, поступал в иной город на службу в этой новой области: ленинградский специалист по философии Демокрита и математике Архимеда умер сотрудником кафедры античной филологии Львовского университета).

Рис. 1. Соломон Яковлевич Лурье (1891—1964)

В его свержувлекательной книжке я впервые прочитал про то, что станет полтора десятилетия спустя моим пожизненным занятием: как ученый начинает понимать древний письменный текст¹.

Мой в меру осторожный университетский научный руководитель профессор Михаил Николаевич Петерсон предупреждал меня о трудности этого выбранного в аспирантские годы пути. Отговаривая меня от авантюры, он сокрушенно с усмешкой разводил руками, повторяя: «Конечно, силы-то богатырские». Несмотря на его доводы против слишком сложной задачи, я решил писать диссертацию о клинописных хеттских табличках второго тысячелетия до нашей эры.

---

¹ Попробуйте прочитать всю книгу Лурье. Незнание греческого языка не может быть помехой: из задач 1—8 в Приложении 3 легко вывести, что каждый говорящий по-русски знает хотя бы отчасти если не весь греческий язык, то множество греческих слов. А для желающих соединить занятия дешифровкой с русским материалом рекомендую другую книжку Лурье, отрывок из которой приведен в Приложении 1 ниже.

Глава 1

КНУДСОН И ПИСЬМА ИЗ АРЦАВЫ. ДОСТОВЕРНОСТЬ ИНТУИТИВНОЙ ДОГАДКИ

К тому времени, когда я в 1947 г. восемнадцатилетним студентом узнал впервые из только что вышедшей в «Известиях Академии наук» статьи известного ираниста А. А. Фреймана о проблемах хеттского языка, целая наука о нем была уже создана в 1920-х — 1930-х гг. группой ученых, увлекшихся им как принадлежавшим к одной из самых мощных культур Древнего Ближнего Востока и как древнейшим из дошедших до нас ранних индоевропейских языков. Рассмотрим более подробно начало этих исследований. На примере дешифровки хеттских текстов можно оценить заметную и во многих других случаях (и оттого важную в целом для истории науки) разницу между первоначальной интуитивной догадкой и систематическим исследованием. Догадка о принадлежности языка табличек, написанных в Малой Азии, к числу индоевропейских пришла на ум еще в 1902 г. норвежскому ученому Йёргену Кнудсону. Он сделал этот вывод на основании двух коротких хеттских писем, сохранившихся в древнеегипетском дипломатическом архиве в Эль-Амарне. Разбирая этот архив и готовя хранившиеся в нем письма к печати, Кнудсон заинтересовался перепиской фараона Аменхотепа III с правителем малоазийского царства Арцавы. В одном письме (см. рис. 2—4 и перевод обоих писем в Главе 2) этот царь по имени Тархундараду обсуждает предложение фараона жениться на его дочери. В ответном письме (рис. 5—6) фараон подтверждает свое намерение. Не только приблизительное произношение слов, но частично и содержание писем было понятно Кнудсону, потому что хеттские тексты написаны принятой тогда в дипломатической переписке системой письма — клинописью. Кнудсон хорошо знал клинопись, использовавшуюся в Вавилоне (в древней Месопотамии, нынешний Ирак) в то самое время (второе тысячелетие до н. э.), к которому относились и хеттские тексты. Клинопись в тот период стала международным письмом, применявшимся для записи разных языков